

Политические институты, процессы, технологии

УДК-329.15

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-5-15

ВОЛНЫ ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: ВЫЗОВЫ, РЕТРОСПЕКТИВА, ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Р. Р. Тищенко

Тищенко Ростислав Романович, соискатель кафедры сравнительной политологии,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
E-mail: 1032211882@pfur.ru (ORCID: 0009-0003-9075-3494. ResearcherID: NEU-2153-2025).

Аннотация

Анализируется эволюция правого радикализма в Европе с акцентом на анализ его идеологической эволюции и причин популяризации в последние десятилетия. Рассматривается циклическая природа этого политического явления, которое, по мнению автора, не является случайным процессом, а представляет собой закономерную реакцию на глобальные и внутренние социально-политические изменения. Используя структурно-функциональный подход, с применением ретроспективного и сравнительного методов исследования, автор предпринимает попытку выделить ключевые этапы развития праворадикальных движений, начиная с их зарождения в XIX веке и заканчивая современным состоянием. Оцениваются факторы влияния на популяризацию современной волны правого радикализма в Европе, такие как миграционный кризис, экономическое неравенство и глобализация. В результате исследования описана трансформация праворадикальных движений, которые адаптировались к современным политическим нормам и приобрели новые формы, которые включили в рамки своего дискурса постмодернистский популизм и антиглобализм. Автор приходит к выводу о том, что правый радикализм имел четыре этапа трансформации глобального дискурса в Европе; в истории континента существовало две волны правого радикализма, и сейчас мы переживаем ее вторую итерацию; современный цикл ультраправой идеологии продолжит усиливать свои позиции в обозримом будущем, учитывая вызовы, стоящие перед европейскими обществами в условиях экономических и культурных кризисов.

Ключевые слова: Европа; правый радикализм; правый поворот; региональная политика; социальный кризис; миграционный кризис; политические идеологии; популизм.

Введение

Европейский социально-политический ландшафт претерпевает глубокие структурные потрясения и аксиологические сдвиги, важными последствиями которых стали активизация поиска альтернативных форм политической организации и усиление роли политических группировок, стоящих на позиции защиты автохтонных национальных интересов и идиогенизации. Эти процессы сложно назвать стихийными или изолированными, они возникли прежде всего на фоне экзогенных, кросс-национальных процессов: глобализации, наступления скачкообразных миграционных потоков, усиления экономического неравенства, культурной гомогенизации, усиления международного напряжения и прочих.

Современный праворадикализм в Европе демонстрирует устойчивый рост, становясь серьезной политической силой. Ультраправые партии и движения, такие как «Национальное объединение» во Франции, «Братья Италии» и «Альтернатива для Германии», укрепляют свои позиции: в Европейском парламенте они получили около 110 мест¹, а в ряде стран, включая Италию и Нидерланды, уже участвуют в формировании правительств. На локальном уровне также растет число маргинальных модернистских ультранационалистических группировок: только во Франции действует около 60 правоэкстремистских организаций². Однако внутренняя фрагментация, конкуренция и идеологиче-

© Тищенко Р. Р., 2025

¹ Election results: European elections (2024) [online]. Available at: <https://results.elections.europa.eu/en> (accessed: 9 May 2025).

² Libération.fr. [online]. Available at: <https://www.liberation.fr/apps/2024/09/carto-faf-2/> (accessed: 9 May 2025).

ские разногласия между правыми силами остаются барьерами для их консолидации. Последние 20 лет это движение стало привлекательным для широких слоев населения благодаря не только своим новаторским способам мобилизации активистов и привлечения масс, но и мутации дискурса, изменению риторики национального суверенитета, ассимиляции новых ценностей и критике существующих систем.

Теоретическая основа

Прежде всего хочется отметить определение праворадикального движения, использующегося в исследовании. Мы используем абстрактно обобщающий термин «праворадикальное движение» как совокупность всех движений ультраправого толка на территории европейского макрорегиона (вне зависимости от их фрагментации, деятельности и отношения друг к другу). Сложность возникает с вопросом того, какие организации в принципе следует понимать под «ультраправыми». Как пишут Т.А. Яшкова и Д.А. Голубничий, ученые не могут прийти к единому пониманию определения «правый радикализм» в связи с отсутствием четких критериев и особенностей его проявления в современном мире; «одно из мнений, которое бытует в научной среде, это то, что радикализм сложно охватить одним определением, поскольку он сможет описать только один из множества аспектов радикализма» (Яшкова, Голубничий, 2024: 42). В связи с этим следует вывести и обозначить авторское видение ультраправых политических организаций. В исследовании рассматриваются организации, которые находятся в рамках правого социально-политического дискурса, заключающегося в стремлении к реакционным или регрессивно-модернизационным процессам. Изучаются как откровенно маргинальные, экстремистские группы, так и ведущие парламентские партии, являющиеся в контексте своих ареалов деятельности (будь то национальные, земельные, надгосударственные парламенты или неформальное политическое поле) ценностно наиболее радикальными.

По причине сложности локализации понятия правого радикализма также актуализируется потребность строгого понятийного разграничения категорий, правого популизма и праворадикализма (табл. 1). Правый популизм следует рассматривать как эгалитарную «фрагментарную идеологию» (thin-centered ideology), фокусирующуюся на риторическом противопоставлении «народа» и «испорченной элитой» в рамках националистического, фундаменталистского или дерегулирующего рыночного дискурса. При этом правый популизм, не обладая полнотой автономии и целостности идеологической структуры, склонен к синтезу с иными идеологиями, в том числе с праворадикальными. Таким образом, правый популизм определяется не через содержательное ядро, а через риторическую и мобилизационную рамку, апеллирующую к народу как единственному носителю легитимной воли. Это создает иллюзию семантической близости, тогда как по своей сути правый популизм чаще функционирует как формат выражения, а правый радикализм – как содержательная парадигма.

Таблица 1

Разграничение правого популизма и праворадикализма

Параметр	Правый популизм	Праворадикализм
Идейно-теоретическая структура	Фрагментарная, текучая, зависящая	Цельная, твердая, автономная
Цель	Восстановление «воли народа»	Изменение политического порядка
Объект мобилизации	Народ, общность	Нация, этнос

Разобравшись в теме дефиниций и категорий исследования, хочется перейти к более общим теоретическим основаниям работы. В целом исследование основано на идее того, что популяризация праворадикальных движений в Европе носит циклический характер, подверженный влиянию внешней среды. Такой же циклический характер носит смена идеологических полюсов в Латинской Америке, в связи с чем актуализировались термины левого и правого поворотов в политике. Для латиноамериканского макрорегиона после 1960-х годов характерна циклическая смена доминирования разных административных и дискурсивных политических моделей, названная «правым» и «левым» поворотами в политике, что активно популяризировалось в научной среде во время работы различных ученых над изучением этого феномена в истории и социологии. При этом не стоит забывать о том,

что термин не является семантически конкретизированным, он не имеет определенности и потому используется достаточно свободно. Об этом В.Л. Хейфец пишет следующее: «Говоря о “повороте”, необходимо учитывать, что этот термин не универсален и не означает, что во всех странах региона лидирующие позиции занимают консерваторы и традиционалисты: на данный момент в Латинско-Карибской Америке левые или левоцентристские режимы сохраняются в Венесуэле, Боливии, Никарагуа, Коста-Рике, Панаме, на Кубе и некоторых других государствах» (Хейфец В.Л., Хейфец Л.С., 2020). Ему же вторит автор статьи «Правый поворот в Латинской Америке: история и современность» Н.Н. Нарбут. Он отмечает, что правый поворот, как и левый, подразумевает в первую очередь образующуюся тенденцию и динамические изменения, которые происходят во всем региональном пространстве при появлении не только формальных признаков доминирования в политике правых или левых сил, но и их реальном содержательном перевесе в рамках политического дискурса региона (Нарбут, 2023: 97).

В контексте же Европы некоторые авторы также регулярно прибегают к использованию терминов правого и левого поворотов, отмечая всеобщие тенденции в рамках континента или его отдельных регионов. Так, совсем недавно Н.С. Плевако указала на появление «левого поворота» в Северной Европе, говоря о результатах прошедших в 2024 году выборов в Европарламент. Она отметила сенсационные результаты Скандинавских стран, сепарировавшихся от общеевропейского тренда наступления националистических и правых партий в оставшейся части Евросоюза (Плевако, 2024: 60). В то же время о «правом повороте» как об общеевропейской тенденции пишут многие авторы. Так, А.В. Шарапо представляет его как оглушительный успех ультраправых партий на последних национальных и европарламентских выборах (Шарапо, 2024: 22), а Е.Н. Семёнова описала современный правый европейский поворот в Европе как переломный период испытания устойчивости текущей модели западноцентричного глобализма и идей глобализации из-за начавшегося процесса отторжения странами либерально-демократического блока Европы противоестественного состояния устройства общественно-властных отношений (Семёнова, 2024: 248–249).

В общем плане проблема «правого поворота» в Европе в связи с ее актуализацией в последнее десятилетие стала все чаще подниматься в работах многих специалистов и академиков как отечественной научной школы (Кунышиков, Давыдов, 2019; Корчагин, 2024), так и западной (Eatwell, Goodwin, 2018; Fieschi, 2019; Kai, 2024). Ведущая точка зрения в современной политической науке говорит о том, что сейчас в Европе как раз буйствует «правый поворот», который обуздали ультраправые политические силы³.

Хочется, однако, отметить, что авторская интерпретация современной континентальной политической турбулентности несколько отличается. Анализ динамики развития правого радикализма в Европе за последние сто лет позволил оценить темпоральные колебания и исторические фазы эволюции активности, влияния ультраправых организаций. В ходе оценки пришлось несколько переосмыслить привычную понятийную парадигму, смещая акцент внимания с правого поворота на праворадикальную волну – цикличное возрождение праворадикальной идеологии в европейском макрорегионе. Эти волны праворадикальной активности не являются результатом одного конкретного политического акта или инцидента, а представляют собой более глубокие и системные процессы, свойственные политическим и социальным циклам, которые характеризуются чередующимися периодами подъема и спада, начиная с начала XX века. Данные циклические флуктуации не случайность, не отклонение от «нормы», а закономерный результат жизнедеятельности политической системы (Пантин и др., 2002: 22) с возможными длительными фазами политической стагнации или отката, что вполне может быть интерпретировано как результат внутренней динамики политической системы, где со временем происходит переосмысление радикальных идеологических позиций.

Разумеется, динамика планетарного социума не циклична сама по себе, но внутри него существует несколько циклических макропроцессов. Большинство из них сложились из-за особой социально-дискурсивной архитектуры современной системы международных отношений, которая в некотором измененном формате функционирует с момента зарождения либерально-демократической многогосударственной системы в начале XX века. Исследуя динамику различных циклических макропроцессов в современной истории, можно обозначить их определенную ритмику, которую в своей работе «Ритмы истории» подметил еще А.В. Шубин, рассматривая макропроцессы как волновые, имеющие свои приливы и отливы (Шубин, 2024), что неудивительно, ведь, как писал Г.Ю. Ситнян-

³ “Vicious Cycle”: How Far-Right Parties Across Europe Are Cannibalising the Centre Right [online], *The Guardian*. Available at: https://www.theguardian.com/world/2025/feb/01/vicious-cycle-far-right-parties-across-europe-are-inspiring-imitators?utm_source=chatgpt.com (accessed: 1 May 2025).

ский, «модернизация, в т.ч. политическая, является... чрезвычайно длительным историческим процессом, который не может развиваться линейно и однонаправленно» (Ситнянский, 2002: 45).

На основании вышеизложенного, если авторское предположение о цикличности праворадикальных приливов и отливов верно, возникают вопросы: какие особенности становления и структурно-функционального своеобразия современной волны правого радикализма в Европе? какова специфика трансформаций ультраправой идеологической и праксиологической системы? какой момент можно считать точкой бифуркации, определившей начало прилива текущей волны правого радикализма?

Методология исследования

Целями данного исследования являются систематизация общих характеристик правого радикализма, его этапирование и построение циклической линии развития идеологии, описание современной итерации. Поскольку имеется потребность в подробном изучении современной волны правого радикализма, осмысления этого феномена как исторической действительности с прошедшей аксиологической эволюцией, динамикой развития и современного явления, имеющего свои характерные черты, то для указанных задач, кажется, наиболее удачно подходит анализ посредством структурно-функционального подхода, с применением ретроспективного и сравнительного методов исследования. Дополнительно стоит уделить внимание сегментационным особенностям, что поможет раскрыть, насколько хорошо ультраправые потенциально смогут приспособиться к текущим условиям политической борьбы и обрести властный триумф в долгосрочной перспективе. Изучение идеологии современного правого радикализма в Европе позволяет понять, как и почему это движение привлекает в последнее десятилетие массовую поддержку в разных уголках Европы и становится мощной политической силой в контексте ценностной эволюции социума и изменения приоритетов электората.

В качестве исследовательской гипотезы выступает предположение о том, что современная волна правого радикализма в Европе представляет собой циклическое возрождение идеологии, которое является результатом долгосрочных политико-социальных процессов, обусловленных естественными глобальными трансформациями, ростом экономического неравенства и глобальной культурной гомогенизации, подстегиваемой США, а также рядом мировых и региональных потрясений, вызванных профнепригодностью современных западных либерально-демократических политических элит.

Результаты исследования

В результате анализа аксиологических изменений праворадикального движения, произошедших с начала XX века, было выявлено четыре эволюционных этапа развития правого радикализма в Европе. Для наглядности схематично отразим их на линии (рисунок).

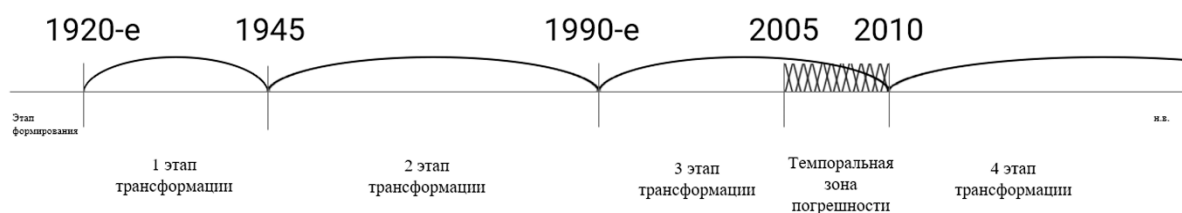

Рис. Интервальная линия этапов трансформации правого радикализма в Европе

Первый этап трансформации правого радикализма в Европе укладывается в рамки 1920–1940-х годов (одновременно с рамками существования первой волны праворадикализма). Если стадия формирования теории пришлась на 1890–1910-е годы, то первые крупные теоретические сдвиги пришлись на так называемый «межвоенный период», который характеризовался растущим влиянием фашизма, чередой крупных европейских кризисов, многополярностью, страхом социальных потрясений, процессом всеобщей экономической и рефлексивной модернизации. Тогда праворадикальное движение было крайне сегментировано в зависимости от региона и страны, что в принципе сохраня-

лось до 1990-х годов. В каждом государстве из-за специфических обстоятельств формирования движения правые радикалы имели свои ярко выраженные черты и своеобразие, которое можно разделить на три направления (табл. 2). При этом интересно, что определенную общность ценностно-теоретического содержания смогли в интернациональном масштабе организовать лишь в революционном направлении, а конкретно среди фашистов, активно пытавшихся консолидировать и транснационализировать опыт своей идеологии (Пэссмор, 2014: 311–312). Ведущими политическими принципами волны 1920–1940-х годов были авторитаризм, парамилитаризм, корпоративизм, солидаризм, ультранационализм, клерикализм, элитаризм, антипарламентаризм, антикоммунизм.

Таблица 2

Фрагментация правого радикализма первой волны

Название направления	Разновидности политических концепций внутри движения	Ценностная конфигурация
Традиционалистское	Фундаментализм, роялизм, реакционный консерватизм	Клерикализм, антимодернизм, христианский корпоративизм, модерантизм
Интегралистское	Национал-консерватизм, национал-этатизм, неороялизм	Органицизм, этнонационализм, протекционизм, солидаризм, сверхперсонализм, холизм
Революционное	Фашизм, национал-синдикализм, консервативный революционизм	Органицизм, ирационализм, радикальный расизм, гомогенизация общества, модернизм

В 1945 году закончилась Вторая мировая война, в мире повсеместно начался процесс дефашизации, ультраправое движение оказалось дискредитированным и загнанным в подполье, было вынуждено мимикрировать и энтрировать в более умеренные движения, либо уходить в полулегальное состояние из-за массового порицания. Возникли новые социальные и экономические кризисы, революционное направление правого радикализма стало отмирать, движение приобрело амбивалентный характер. Многополярность сменилась биполярностью. Центры силы в виде Великобритании, Франции, США, СССР, а также Германии, Италии и Японии на время Второй мировой войны после 1945 года сузились до двух враждующих мировых акторов – Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. В ходе биполярного противостояния правые радикалы начали поддерживать США, видя в них меньшую угрозу социальной действительности. На первый план у них выходило противодействие распространению марксистских тенденций. В этой атмосфере ультраправое движение оказалось на периферии общественно-политической мысли, периодически мелькая вспышками в разных странах, но быстро потухая. После крушения фашизма и окончания его всеобъемлющего доминирования в поле правого радикализма утихла вся волна. Правый радикализм маргинализировался, на долгие годы ушел из большой политики Европы, немногочисленные движения 1945–1990-х годов характеризовались идеями антикоммунизма, патриотизма, элитаризма, колониализма, умеренной формы этнонационализма и евроинтеграции.

В 1990-х годах биполярная мировая система рушится, наступает время американского унилатерализма. Либерально-демократическая система становится абсолютным гегемоном во всем мире. После того как социалистический блок дезинтегрировался, Китай только начал набирать экономическую мощь и активно вступил в сотрудничество с западными странами, в мире оставалось лишь несколько периферийных государств, не включенных в сферу американского сотрудничества (и те имели ограниченное региональное влияние). Благодаря открывшимся рынкам сбыта стран СНГ, активизации процесса евроинтеграции со стороны стран Восточной Европы, оживлению мировой торговли и усилению миграционных потоков, Европа вступила во временный период благоденствия и роста, что вызвало нужду быстрой реконфигурации аксиологической системы ценностей правых радикалов. Марксизм перестал быть угрозой Европе, вновь актуализировалась опасность стирания идентичности наций европейских стран, исходящей от неолиберальной социокультурной парадигмы, продвигаемой США. Начавшийся процесс глобализации, а также постепенный упадок европейских элит направили ультраправых по пути принятия аксиологической тенденции «новых правых», заданной ими еще в

1970-х годах. Начался переходный период – обновление крайне правого движения в Европе, переходившего от анахронизмов модернизма, антикоммунизма, этнонационализма к постмодернизму, культурному обособлению и обретению национального своеобразия.

В связи с этим с 1990-х по 2005–2010 годы доминирующие ценности движения произвели амбициозную трансформацию. Этнонационализм сменился этноплюризмом (Тагиефф, 2009: 39): агрессивное биологическое разделение наций с иерархией народов сменилось национальным сотрудничеством между общностями при декларировании необходимости культурного невмешательства, что было направлено против процессов глобализации и влияния мягкой силы США. Авторитаризм сменился тягой к парламентаризму, элитаризм постепенно начал смещаться в сторону эгалитаризма из-за желания ультраправых заполучить рабочий и интеллектуальный электорат, во многом осиротевший после падения марксистского влияния на континенте. Важнейшим элементом трансформации идеологии стал антиглобалистский нарратив, рассматривающий глобализацию как экзистенциальную угрозу национальной целостности и экономической самодостаточности. Движение, осваивая концепты антиглобализма, соединяет их с критикой неолиберализма, предлагая альтернативные формы экономического взаимодействия. Эта смена ориентиров демонстрирует попытку интеграции ультраправого дискурса в экономическую сферу, обосновывая вмешательство государства как инструмент борьбы с деградацией национальной экономики и исчезновением социальной стабильности. Именно переходный период в истории правого радикализма заложил основы текущего репозиционирования ультраправых, что позволило им включиться в конкуренцию на поле большой политической игры.

С середины 2000-х годов по настоящее время праворадикалы окончательно впитали в себя постмодернистские черты, произвели адаптацию движения к современным демократическим нормам, придав ему гибридную политическую форму. Началась плеяда социальных, политических и мигрантских кризисов, вернувшихся в Европу после Арабской весны и экономического кризиса 2008 года. Примечательно, что именно время между этими двумя кризисами стало, по авторскому мнению, точкой бифуркации, давшей начало второй волне правого радикализма. Либерально-демократическая система начала терпеть значительные неудачи из-за образующихся систематических ошибок. Традиционный политический класс стал терять доверие масс, ведущие партии в ускоренном темпе деградируют, как и их элиты. Начался некоторый аксиологический кризис масс ввиду слома старых больших политических идеологий и их замены на постмодернистские идейно-теоретические агрегаты, зиждящиеся на популизме. В то же время в международном контексте, несмотря на сохранение гегемонии США, также начались активные сдвиги в сторону потенциального возвращения многополярности. Китай стал второй экономикой мира, активно попирает рынки и геополитическую сферу США в Африке, Азии и Латинской Америке. Россия окрепла после хаоса 1990-х годов и образует альтернативный политический центр для стран, не желающих стирать свою традиционную культуру из-за агрессивного североамериканского цивилизационного вторжения, поддерживает самоопределение стран Африки, внешнеполитическую автономизацию стран Латинской Америки, Ближнего Востока, участвует в формировании БРИКС. Европейский союз и его страны медленно, но верно стремятся к обособлению от влияния США. Страны Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки активно проводят акции по созданию новых региональных центров силы.

Обсуждение

В результате вышеуказанных процессов правый радикализм окончательно провел условный «ребрендинг» (Бурмистрова, 2023: 27–29), сменил свое лицо и дерадикализировался. В начале нулевых ультраправые начали значительный подъем во Франции, Италии, Испании и Греции. Опыт этих стран позволил всему движению окончить свои аксиологические реформы для приспособления своих программ к участию в массовой политике. Жесткий иерархизм заменили принципом подотчетности, эгалитаризм сместил элитаризм. Произошел окончательный переход от авторитарных тяготений в сторону культа демократического процесса. Так, к примеру, Nouvelle Action Royaliste, одна из партий, претендующих на политическое наследие движения Action française, в своих программах декларирует стремление к конституционной монархии, что выражает фундаментальный разрыв с наследодателем, провозглашавшим исключительное стремление к авторитаризму.

Традиционализм и глубинный национализм заменили социальный консерватизм и упомянутый ранее культурный этноплюрализм. Такое изменение позволило ультраправым обосновывать свои притязания на защиту «национального ядра», но при этом не вызывать социальное напряжение в обществе. Ярким примером смягчения дискурса стала недавняя поездка Марин Ле Пен в Новую Кале-

донию. Там она высказалась о необходимости нахождения компромисса с представителями местных меньшинств – канаков – и выступила за проведение нового референдума о независимости через 40 лет⁴. Данная риторика ярко показывает смену исторической позиции партии, бывший лидер которой Жан Мари Ле Пен еще 30 лет назад отстаивал ее жестко лоялистскую профранцузскую позицию без каких-либо компромиссов и уступок канакам в регионе⁵.

Экономический корпоративизм сменил протекционизм или социально-ориентированное государство в зависимости от страны. Таким образом, ультраправые призывают защитить малый, национальный бизнес и одновременно при помощи рестрикций организовать бюджетные средства для поддержания низших слоев населения. В популистскую повестку движения также активно интегрировалась зеленая повестка впервые с 1930-х годов, когда ее активно пытались использовать члены *Action française*, немецкие нацисты и румынские идеологи «Легиона Михаила Архангела». Экологический популизм помогает представить их как современную и ответственную политическую силу, критикующую глобализацию и капитализм. Они связывают экологические проблемы с необходимостью локализма и национального суверенитета, выступая против международных соглашений, ограничивающих независимость стран в экологической политике (Farhan, 2024).

Касательно международных отношений правые радикалы начали опираться на позиции умеренного изоляционизма и евроскептицизма. Они отстаивают суверенитет и независимость своего национального государства, часто выступая против международных институтов и соглашений, которые, по их мнению, ставят под угрозу национальную автономию, отдавая приоритет национальным интересам, безопасности и поддержанию традиционных союзов, а не многостороннему сотрудничеству. Интересно видеть, что сто лет назад многие правые радикалы, по типу фашиста Освальда Мосли, активнейшим образом выступали за создание Евросоюза, потому что видели в нем потенциальную силу для сохранения чистоты так называемой европейской расы, а также санитарного кордона для проникновения марксизма. Тема создания единого западноевропейского социально-экономического пространства в первые годы существования была важной для мобилизации электората и у Австрийской партии свободы (АПС). Однако новый правый радикализм стал теорией, основывающейся на идее сохранения, реализации и воспроизводства этнически и культурно однородного типа общества в рамках либерально-демократической системы, поэтому теперь АПС сейчас активно педалирует евроскепсис⁶.

Уход от большинства ценностных традиций ультраправого движения, заданных ему еще в 1920-х годах, коренным образом повлиял на его фрагментацию в европейском контексте. Фактически идейно-ценностное разделение движения на разные направления исчезло, уступив место геополитическому, по линии разделения Восточная – Западная Европа. Дело в том, что страны Востока, находившиеся до 1990-х годов под пятой социалистического блока, по сути, не имели старой традиции правого радикализма Запада, поскольку их традиция оборвалась с моментом тотальной дефашизации 1940–1950-х годов. В то время как в Западной Европе крайне правые десятилетия модернизировали свою теорию через рефлексию и различные ценностные модификации, открывшиеся им после ассимиляции постмодернистских веяний, восточноевропейские ультраправые возродили свою традицию с момента ее обрывания в середине прошлого века, мало перенимая заслуги Запада, лишь некоторые новаторские формы действия. К тому же страны на Востоке проходили через тяжелый период обрывания связи с коммунистическим прошлым. Там все еще были сильны коммунистические партии, красные консерваторы по-прежнему имели большое влияние в некоторых странах, среди масс был большой страх возвращения к марксистскому режиму. Это вызывало нужду восточных ультраправых в борьбе с крайне левыми, а не переход к защите страны от культурной и политической гомогенизации из-за процессов глобализации. Лишь к середине нулевых этот флер старины начал опадать, большинство стран Востока вступило в Европейский союз, марксизм был отброшен в прошлое, а западноевропейский аксиологический опыт начал активно транснационализироваться. Благодаря эффекту «низкого старта» восточноевропейские радикалы начали догонять своих западных братьев по идеологии, однако отставание между ними в полной мере не устранено до сих пор. Как заявил поли-

⁴ New Caledonia: Marine Le Pen for a Compromise, Contrary to the Historic Positioning of the RN [online], *GettoText*. Available at: <https://gettotext.com/new-caledonia-marine-le-pen-for-a-compromise-contrary-to-the-historic-positioning-of-the-rn> (accessed: 1 May 2025).

⁵ Jean-Marie Le Pen Holds Key to Second Round – Archive, 1988 [online], *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/apr/25/le-pen-jean-marie-national-front-1988-election-presidential-france?> (accessed: 1 May 2025).

⁶ The Freedom Party of Austria and the Rise of Euroscepticism [online], *E-international Relations*. Available at: www.e-ir.info/2012/07/31/the-freedom-party-of-austria-and-the-rise-of-euroscepticism (accessed: 1 May 2025).

толог Майкл Микенберг, до сих пор «восточноевропейские радикальные правые более ориентированы в обратном направлении, чем их западные коллеги, то есть более антидемократичны и более воинственны» (Minkenberg, 2014). Особенно большой разрыв между двумя частями ультраправого движения сильно заметен, если сопоставить правых радикалов Украины и Греции с их товарищами из Франции и Испании. Интересен тот факт, что если сопоставить линии соприкосновения между областями двух разных традиций правого радикализма (табл. 3), то она будет сильно напоминать карту «Две Европы» Майкла Манна (Манн, 2019: 65), показывающую разделение Европы на либерально-демократический и авторитарный лагеря в 30-х годах прошлого века.

Таблица 3

Фрагментация правого радикализма второй волны

Зоны фрагментации	Ценностная конфигурация	Примерная зона покрытия (страны)
Западная Европа	Конституционализм, этноплюрализм, евроскептицизм, реформизм, экологизм, республиканизм, постмодернизм, социальный консерватизм, нативизм	Испания, Португалия, Италия, Швейцария, Австрия, Франция, Германия, Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Великобритания, Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия, Исландия
Восточная Европа	Идентаризм, ксенофобия, акселерационизм, реформизм, республиканизм, модернизм, евроскептицизм, традиционализм	Эстония, Литва, Латвия, Польша, Беларусь, Украина, Россия, Румыния, Молдавия, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Греция, Словения, Сербия, Хорватия, Албания, Северная Македония, Босния и Герцеговина, Черногория

Заключение

Текущая волна правого радикализма, отличающаяся высокой степенью адаптации к демократическим нормам и незначительной идейной фрагментацией, представляет собой политическое явление, которое уже не может рассматриваться исключительно как реакционная сила, направленная против устоев либерального порядка. Современные правые радикалы, мобилизуясь вокруг антимиграционной, антиглобалистской и нативистской риторики (Шубина, 2005: 73), одновременно преодолевают традиционные ограничения ультраправого спектра. Вместе с тем анализ трансформации движения, его текущего состояния в рамках европейского контекста выявляет двойственность воздействия на внутрисполитические процессы и международные отношения. С одной стороны, движение стимулирует внутренние дискурсы, становясь катализатором демократических дебатов и предлагая альтернативные подходы к актуальным социальным и экономическим вызовам. С другой стороны, их популяризация ведет к углублению поляризации, что показывают последние выборы в Германии, Франции и Испании, усиление социальных расколов, что порождает потенциал для дестабилизации в отношениях с международными партнерами и умеренную ревизию текущей многогосударственной европейской системы.

В условиях нарастания кризисов — как внешнеполитических, так и внутрисполитических — праворадикальные движения, вероятно, будут и дальше стремиться к легитимации через институциональные механизмы, стремясь интегрироваться в существующие политические структуры, сохраняя при этом идеологическую обособленность. Количество их депутатов в европарламенте за 10 лет выросло с 80 до 110 при всех нюансах избирательных барьеров и проблемы фрагментации групп в парламенте. В этом контексте актуальным становится вопрос о степени влияния праворадикализма на долгосрочную устойчивость европейской интеграции, а также о его последствиях для международного положения России. Сохранение, а возможно, и усиление этой тенденции способно не только трансформировать политические системы отдельных европейских государств, но и оказать влияние на глобальный баланс сил, определяя вектор будущего развития международных отношений в XXI веке.

Список литературы / References

- Бурмистрова, Е. С. (2023) 'От маргиналов к мейнстриму: смена имиджа лидеров западноевропейских праворадикальных популистов', *Вестник Пермского университета. Политология*, 4(17), сс. 22–31. [Burmistrova, E. S. (2023) 'From marginal to mainstream: the changing image of Western 'European right-wing populist leaders' [Ot marginalov k mejnstrimu: smena imidzha liderov zapadnoevropejskih pravoradikal'nyh populistov], *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologia*, 4(17), pp. 22–31. (In Russ.)]. DOI:10.17072/2218-1067-2023-4-22-31.
- Корчагин, В. Л. (2024) 'Условия и причины успеха европейских правых популистских движений на примере политической партии «Истинные финны»', *Россия в глобальном мире*, 2(27), сс. 80–98. [Korchagin, V. L. (2024) 'Conditions and reasons for the success of European right-wing populist movements on the example of the political party «True Finns»' [Usloviya i prichiny uspekha evropejskih pravyh populistских dvizhenij na primere politicheskoy partii «Istinnye finny»], *Rossiya v global'nom mire*, 2(27), pp. 80–98. (In Russ.)] DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.
- Куньшиков, С. В., Давыдов, И. А. (2019) *Правый поворот в европейской политике: причины, сущность, перспективы, Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования*. Екатеринбург: УрФУ, сс. 1262–1267. [Kunshchikov, S. V., Davydov, I. A. (2019) *Right turn in European politics: reasons, essence, prospects, Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research* [Pravij povorot v evropejskoj politike: prichiny, sushchnost', perspektivy, Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya], Ekaterinburg: UrFU, pp. 1262–1267. (In Russ.)]
- Манн, М. (2019) *Фашисты. Социология фашистских движений*. Москва: Пятый Рим. [Mann, M. (2019) *Fascists. Sociology of Fascist Movements* [Fashisty. Sociologiya fashistskih dvizhenij'], Moscow: Pyatij Rim. (In Russ.)].
- Нарбут, Н. Н. (2023) 'Внешнеполитическая ориентация стран Латинской Америки: влияние левого и правого поворота', *История геополитики, международных отношений и всеобщей истории*, 69, сс. 95–99. [Narbut, N. N. (2023) 'The foreign policy orientation of Latin American countries: the influence of left and right turn' [Vneshnepoliticheskaya orientaciya stran Latinskoj Ameriki: vliyanie levogo i pravogo povorota], *Istoriya geopolitiki, International Relations and General History*, 69, pp. 95–99. (In Russ.)].
- Пантин, В. И., Лапкин, В. В., Ильин, М. В., Черняховский, С. Ф., Ситнянский, Г. Ю., Мошелков, Е. Н., Межуев, Б. В. (2002) 'Волны и циклы политического развития (Заочный круглый стол)', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 19–59. [Pantin, V. I., Lapkin, V. V., Ilyin, M. V., Chernyakhovsky, S. F., Sitnyansky, G. Y., Moschelkov, E. N., Mezhuiev, B. V. (2002) 'Waves and cycles of political development (Correspondence round table)' [Volny i cikly politicheskogo razvitiya (Zaochnyj kruglyj stol)], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 19–59. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.04.03>
- Плевако, Н. С. (2024) '«Левый поворот» в странах Северной Европы на выборах в Европарламент 2024: Финский казус', *Современная Европа*, 7, сс. 59–70. [Plevako, N. S. (2024) '«Left turn' in the Nordic countries in the 2024 European Parliamentary elections: the Finnish casus belli' [«Levyj povorot» v stranah Severnoj Evropy na vyborah v Evroparlament 2024: Finskij kazus'], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 59–70. (In Russ.)]
- Пэссмор, К. (2014) 'Транснациональная история фашизма и национал-социализма на примере Франции', *Берегиня*, 777. *Сова*, 4 (23), сс. 310–327. [Passmore K. 'Transnational History of Fascism and National Socialism on the Example of France' [Transnacional'naya istoriya fashizma i nacional-socializma na primere Francii], *Bereginya*, 777. *Sova*, 4(23), pp. 310–327. (In Russ.)].
- Ситнянский, Г. Ю. 'Циклы политической истории: принцип наложения и дополнения', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 45–51. [Sitnyansky, G. Y. 'Cycles of political history: principle of superposition and complementation', 4, pp. 45–51. (In Russ.)].

- cles of political history: the principle of superimposition and addition' [Cikly politicheskoy istorii: princip nalozheniya i dopolneniya], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 45–51 (In Russ.).]
- Семёнова, Е. Н. (2024) 'Правый поворот: национальные внутриполитические тенденции в Европейском Союзе', *Журнал "Власть"*, 4(32), сс. 248–257. [Semenova, E. N. (2024) 'Right Turn: National Domestic Political Trends in the European Union' [Pravyj povorot: nacional'nye vnutripoliticheskie tendencii v Evropejskom Soyuze], *Zhurnal "Vlast"*, 4(32), pp. 248–257. (In Russ.).]
- Тагиефф, П.-А. (2009) *Цвет и кровь: Французские теории расизма*. Москва: Ладомир. [Taguieff, P.-A. (2009) *Color and Blood: French Theories of Racism* [Cvet i krov': Francuzskie teorii rasizma], Moscow: Ladomir (In Russ.).]
- Хейфец, В. Л., Хейфец, Л. С. (2020) 'Правый поворот в Латинской Америке: история и современность', *История*, 5(91), сс. 16. [Heifetz, V. L., Heifetz, L. S. (2020) 'The right turn in Latin America: history and modernity' [Pravyj povorot v Latinskoj Amerike: istoriya i sovremenost'], *History*, 5(91), pp. 16. (In Russ.).]
- Шарапо, А. В. (2024) 'Правый поворот в Европе и потенциальные возможности влияния ультраправых партий на политику Европейского Союза', *Журнал международного права и международных отношений*, 3/4 (110/111), сс. 20–26. [Sharapo, A.V. (2024) 'The rightward turn in Europe and the potential for far-right parties to influence European Union policy' [Pravyj povorot v Evrope i potencial'nye vozmozhnosti vliyaniya ul'trapravvyh partij na politiku Evropejskogo Soyuza], *Journal of International Law and International Relations*, 3/4 (110/111), pp. 20–26. (In Russ.).]
- Шубин, А. В. (2024) *Ритмы истории*. Москва: Эгалите. [Shubin, A. V. (2024) *Rhythms of History* [Ritmy istorii], Moscow: Egalite. (In Russ.).]
- Шубина, М. В. (2005) 'Европейские ультраправые в эпоху глобализованного модерна', *Политическая наука*, 4, сс. 70–91. [Shubina, M. V. (2005) 'The European far-right in the era of globalized modernity' [Evropejskie ul'trapravye v epohu globalizirovannogo moderna], *Politicheskaya nauka*, 4, pp. 70–91. (In Russ.).]
- Яшкова, Т. А., Голубничий, Д. А. (2024) 'Феномен праворадикализма: история развития', *Теории и проблемы политических исследований*, 7A(13), сс. 41–48. [Yashkova, T. A., Golubnichiy, D. A. (2024) 'The phenomenon of right-wing radicalism: history of development' [Fenomen pravoradikalizma: istoriya razvitiya], *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij*, 7A(13), pp. 41–48. (In Russ.).]
- Eatwell, R., Goodwin, M. (2018) *National Populism: The Revolt Against Liberal Democracy*. Pelican, 384 p.
- Farhan, A. (2024) 'The rise of ecofascism: climate change and the far right', *International Affairs*, 100, pp. 438–439.
- Fieschi, C. (2019) 'Populocracy: The Tyranny of Authenticity and the Rise of Populism', *Newcastle: Agenda Publishing*, 192 p. DOI: 10.1080/14782804.2019.1644000
- Kai, A. (2024) 'How Local Context Affects Populist Radical Right Support: A Cross-National Investigation Into Mediated and Moderated Relationships', *British Journal of Political Science*, 54(4), pp. 1–26. DOI: 10.1017/S0007123424000085.
- Minkenberg, M. (2014) 'The Renewal of the Radical Right: Between Modernity and Anti-modernity', *Government and Opposition*, 35(2), pp. 170–188. DOI: <https://doi.org/10.1111/1477-7053.00022>.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2025

Статья поступила в редакцию после доработки: 06.06.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

**WAVES OF RIGHT-WING RADICALISM IN MODERN EUROPE:
CHALLENGES, HISTORICAL OVERVIEW, AND TRANSFORMATION FEATURES**

R. Tishchenko

Rostislav Tishchenko, applicant of the Department of Comparative Political Science,
RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: 1032211882@pfur.ru (ORCID: 0009-0003-9075-3494. ResearcherID: NEU-2153-2025).

Abstract

The article analyzes the evolution of right-wing radicalism in Europe, focusing on its ideological evolution and reasons for its popularization in recent decades. The author views this political phenomenon as cyclical, suggesting it is not random but a natural response to global and domestic socio-political changes. Using a structural-functional approach along with retrospective and comparative methods, the author traces the key stages in the development of right-wing radical movements from their 19th-century origins to the present. The factors influencing the popularization of the contemporary wave of right-wing radicalism in Europe, such as the migration crisis, economic inequality, and globalization, are assessed. The study describes the transformation of right-wing radical movements that have adapted to contemporary political norms and acquired new forms that have incorporated postmodern populism and anti-globalization into the framework of their discourse. The author concludes that right-wing radicalism in Europe has undergone four stages of discursive transformation and experienced two major waves throughout its history. Now we are experiencing its second iteration, the contemporary cycle of far-right ideology will continue to strengthen its position in the foreseeable future, given the challenges facing European societies in the context of economic and cultural crises.

Keywords: Europe; right-wing radicalism; right turn; regional politics; social crisis; migration crisis; political ideologies; populism.